

The Holy See

Папа Римский

Франциск

Энциклика *Lumen Fidei*

Епископам,

пресвитерам и диаконам,

людям, посвященным Богу,

и всем верным мирянам

О ВЕРЕ

1. Свет веры – этим словосочетанием Предание Церкви обозначило великий дар, принесенный Иисусом. В Евангелии от Иоанна Он Сам говорит о Себе так: «Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин 12, 46). А святой Павел говорит следующее: «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца» (2 Кор 4, 6). В жаждущем света языческом мире развился культ бога Солнца, *Sol invictus*, к нему зывали на рассвете. И хотя солнце вновь рождалось каждый день, люди хорошо понимали, что оно неспособно озарить светом все бытие человека. Ведь солнце не освещает всю реальность, его сияние неспособно проникнуть во мрак смерти, туда, где очи человека закрыты для солнечного света. «Нельзя найти ни одного человека, который бы решился умереть за веру в солнце», – утверждает Юстин Мученик^[1]. Христиане, зная, какой великий горизонт открывает перед ними вера, называли Христа Истинным Солнцем, «чьи лучи даруют жизнь»^[2]. Марфе, оплакивающей смерть брата Лазаря, Иисус говорит: «Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?» (Ин 11, 40). Кто верит – тот видит; видит в свете, озаряющем всю протяженность пути, потому что нам сопутствует воскресший Христос, незакатная утренняя звезда.

Не иллюзорен ли свет?

2. И все же, беседуя о свете веры, мы слышим возражение многих наших современников. В эпоху нового времени стали считать, что этого света было достаточно для античных

обществ, но в современном мире он бесполезен для повзрослевшего человека, гордящегося разумом и желающего по-новому исследовать будущее. В этом смысле веру сочли иллюзорным светом, препятствующим человеку культивировать идею смелого познания. Молодой Ницше призывал свою сестру Элизабет «отважиться на новые пути, [...] в неопределенности самостоятельного продвижения вперед». И добавлял: «Здесь расходятся пути человечества: если ты желаешь обрести мир в душе и счастье — верь; если желаешь быть учеником истины — исследуй» [3]. Вера, якобы, противится поиску. Исходя из этого, Ницше будет критиковать христианство за то, что оно умалило значение человеческого бытия, лишив жизнь новизны и приключения. То есть вера как иллюзия света, затрудняющая нам, свободным людям, путь в будущее.

3. В этом процессе вера, в конце концов, ассоциировалась с темнотой. Считали, что веру можно сохранить, найти для нее пространство, если вера будет сосуществовать со светом разума. Пространство для веры открывалось в том, что разум не мог просветить, в том, в чем человек более не мог быть уверен. Поэтому веру воспринимали как прыжок в пустоту, который мы совершаем из-за нехватки света, побуждаемые слепым чувством; или как субъективный свет, возможно, способный согреть сердце, принести частное утешение, но который невозможно предложить другим как объективный и общий свет, освещающий путь. Однако мало-помалу становилось очевидным, что свет независимого разума не способен в достаточной мере осветить будущее; в итоге грядущее остается во мраке и внушает человеку страх перед неизвестностью. Итак, человек отказался от поиска великого света, великой истины, удовольствовавшись слабыми лучами, освещающими краткий миг, но неспособными открыть путь. Когда не хватает света, все оказывается неясным, невозможно отличить добро от зла, путь, ведущий к цели, от пути, заставляющего нас все время бесцельно кружить.

Свет, который необходимо открыть заново

4. Поэтому насуточно необходимо заново осознать, что свет – отличительная особенность веры, ведь когда ее пламя угасает, то, в конце концов, затухают и все прочие огни. Действительно, свету веры присущ исключительный характер, он способен осветить все бытие человека. Поскольку этот свет столь сильный, он не может исходить от нас самих, а должен исходить от истинно первоначального источника, должен исходить, в конечном счете, от Бога. Вера рождается во встрече с живым Богом, зовущим нас и открывающим нам Свою любовь – любовь, предваряющую нас, на которую мы можем опираться, чтобы быть устойчивыми и созидать жизнь. Преображенные этой любовью, мы получаем новые очи, ощущаем, что в ней заключено великое обетование полноты, и устремляем взгляд в будущее. Вера, получаемая нами как сверхъестественный дар Бога, оказывается путеводным светом, сиянием, указывающим направление нашего странствия во времени. С одной стороны, он исходит от прошлого, это свет основополагающей памяти о жизни Иисуса: в ней проявилась Его безоговорочно верная любовь, способная победить смерть.

Но вместе с тем, поскольку Христос воскрес и ведет нас за порог смерти, вера – это свет, исходящий от будущего, открывающий перед нами широкие горизонты и выводящий нас из нашего изолированного «я» в полноту общения. В таком случае мы понимаем, что вера не обитает во мраке; что она – свет для нашей тьмы. Данте в «Божественной комедии», исповедав веру перед святым Петром, описывает ее так: «... искра здесь живая, / Чье пламя разрослось, пыланьем став. / И, как звезда небес, во мне сверкая»[4]. Я хотел бы поговорить именно об этом свете веры, чтобы он, усилившись, осветил настоящее и стал звездой, указывающей горизонты нашего странствия, в эпоху, когда человеку особенно необходим свет.

5. Накануне Своих страданий Господь заверял Петра: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк 22, 32). Далее Он просил его: «утверди братьев твоих» в той же самой вере. Осознавая обязанность, возложенную на Преемника Петра, Бенедикт XVI пожелал объявить этот год *Годом веры*, временем благодати, помогающим нам ощутить безграничную радость верования, оживить восприятие того, какие широкие горизонты открывает вера, чтобы мы, верные памяти о Господе, поддерживаемые Его присутствием и действием Святого Духа, исповедовали веру в ее целостности и чистоте. Убежденность веры, сообщающая жизни величие и полноту, сконцентрированная на Христе и на силе Его благодати, одухотворяла миссию первых христиан. В *Деяниях мучеников* мы читаем следующую беседу римского префекта Рустика с христианином Иераксом. «Где твои родители?» – спросил судья у мученика, и тот ответил: «Наш истинный отец – Христос, а наша мать – вера в Него»[5]. Для тех христиан вера, как встреча с живым Богом, явленным во Христе, была «матерью», ведь она позволяла им появиться на свет, зарождала в них Божественную жизнь, новый опыт, ясное видение бытия, ради чего они были готовы публично свидетельствовать до конца.

6. *Год веры* начался в 50-ю годовщину открытия II Ватиканского Собора. Это совпадение позволяет нам увидеть, что II Ватиканский Собор был посвящен вере[6], поскольку призвал нас поставить в центр нашей церковной и личной жизни первенство Бога во Христе. Ведь Церковь никогда не считает веру чем-то само собой разумеющимся, а знает, что этот Божий дар следует питать и укреплять, с тем, чтобы вера продолжала направлять путь Церкви. II Ватиканский Собор позволил вере засиять изнутри человеческого опыта, пересекшись тем самым с путями современного человека. Таким образом, стало очевидно, что вера обогащает все измерения человеческого бытия.

7. Этими размышлениями о вере – в русле всего сказанного Учительством Церкви об этой богословской добродетели[7] – я намерен дополнить написанное Бенедиктом XVI в энцикликах о любви и надежде. Он почти довел до конца черновой вариант энциклики о вере. Я ему за это глубоко благодарен и, в братской любви во Христе, принимаю его драгоценный труд, некоторыми размышлениями дополнив его текст. Действительно, Преемник Петра вчера, сегодня и завтра неизменно призван «утверждать братьев» в

неизмеримом сокровище веры, даруемой Богом как свет на пути каждого человека.

В вере, в Божием даре, в изливаемой Им сверхъестественной добродетели, мы признаем, что нам дана безграничная Любовь, что к нам обращено благое Слово и что, если мы принимаем это Слово, Которое есть Иисус Христос, Воплощенное Слово, то Святой Дух преображает нас, освещает путь будущего и возвращает в нас крылья надежды, чтобы мы с радостью преодолели этот путь. Вера, надежда и любовь, чудесно переплетаясь, направляют христианское бытие к полному общению с Богом. Что же за путь открывает перед нами вера? Откуда исходит ее сильный свет, позволяющий озарить путь счастливой и благодатной жизни, изобилующей плодами?

Часть I

МЫ УВЕРОВАЛИ В ЛЮБОВЬ

(ср. 1 Ин 4, 16)

Авраам, наш отец в вере

8. Вера открывает перед нами путь и сопутствует нашим шагам в истории. Именно поэтому, если мы хотим понять, что же такое вера, нам следует описать ее путь, дорогу верующих людей, о чем свидетельствует, в первую очередь, Ветхий Завет. Особое место занимает Авраам, наш отец в вере. В его жизни происходит глубоко волнующее событие: Бог обращает к нему Слово, открывает себя Богом, говорящим и называющим по имени. Вера связана со слушанием. Авраам не видит Бога, но слышит Его голос. Тем самым вера приобретает личностный характер. Так Бог оказывается не Богом какого-то места и даже не Богом, связанным с особым священным временем, но Богом личности, Богом именно Авраама, Исаака и Иакова, способным вступить в контакт с человеком и устанавливать с ним завет. Вера – это ответ на Слово, обращенное к личности, данный конкретному «Ты», зовущему нас по имени.

9. Сообщенное Словом Аврааму заключается в призыве и обетовании. В первую очередь это призыв уйти из родной земли, приглашение открыться новой жизни, начало исхода, ведущего того к неожиданному будущему. Видение, которое вера даст Аврааму, навсегда останется связано с необходимостью сделать шаг вперед: вера «видит» в той мере, в какой преодолевает путь, в какой вступает в пространство, открытое Божиим Словом. Но Слово содержит и обетование: твое потомство будет бесчисленно, ты станешь отцом великого народа (ср. Быт 13, 16; 15, 5; 22, 17). Правда, что, будучи ответом на предваряющее Слово,

вера Авраама навсегда останется деянием памяти. Однако память не фиксируется на прошлом, а, будучи памятью об обетовании, обретает способность открыть его для будущего, осветить его жизненный путь. Тем самым видно, что вера, будучи памятью о будущем, *memoria futuri*, тесно связана с надеждой.

10. От Авраама требуется именно довериться этому Слову. Вера понимает, что слово, нечто внешне эфемерное и недолговечное, будучи произнесено верным Богом, становится абсолютно надежным и непоколебимым, тем, что обеспечивает продолжение нашего странствования во времени. Вера принимает это Слово как крепкую скалу, на которой можно строить, как на прочном фундаменте. Поэтому в Библии вера выражена еврейским словом *'emûnah*, производным от глагола *'amàn*, корень которого означает «поддерживать». Термином *'emûnah* может обозначаться как верность Бога, так и вера человека. Верный человек обретает силу, предавая себя в руки верного Бога. Играя с двумя значениями – присущими также соответствующему греческому (*pistós*) и латинскому (*fidelis*) словам, – св. Кирилл Иерусалимский превознесет достоинство христианина, получающего одно наименование с Богом: оба называются «верными»^[8]. Святой Августин объяснит это так: «Верный человек – тот, кто верит обещающему Богу; верный Бог – Тот, Кто дает обещанное Им человеку»^[9].

11. Для понимания веры Авраама важен последний аспект истории его жизни. Слово Божие, хотя и несет с собой новизну и изумление, отнюдь не чуждо опыту Патриарха. В голосе, обратившемся к Аврааму, тот распознает глубинный призыв, изначально запечатленный в средоточии своего существования. Бог связывает Свое обетование с тем «местом», где бытие человека всегда проявляется многообещающе: в нем есть отцовство, зарождение новой жизни – «Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак» (Быт 17, 19). Бог, требующий от Авраама всецело довериться Ему, открывает Себя как источник начала всякой жизни. Тем самым вера соединяется с Божиим отцовством, из которого проистекает творение: Авраама призывает именно Бог-Творец, «животворящий мертвых» (Рим 4, 17), Тот, Кто «избрал нас прежде создания мира... предопределив усыновить нас Себе» (Еф 1, 4-5). Для Авраама вера в Бога озаряет самые глубинные истоки его существования, позволяет ему распознать источник благодати, начало всего, и постичь, что его жизнь – не производная пустоты или случайности, а плод личностного призвания и личностной любви. Призвавший его таинственный Бог – не чуждый Бог, а Тот, Кто есть начало всего, и Тот, Кем все живет. Труднейшее испытание веры Авраама, принесение в жертву сына Исаака, покажет, до какой степени эта изначальная любовь способна сохранить жизнь даже за порогом смерти. Слову, сумевшему зачать сына, хотя тело Авраама «уже омертвело» и «утроба Саррина в омертвлении» (ср. Рим 4, 19) была бесплодной, будет под силу исполнить и обетование будущего, несмотря на любые угрозы и опасности (ср. Евр 11, 19; Рим 4, 21).

Вера Израиля

12. История народа Израиля в Книге Исхода следует по стопам веры Авраама. Вера вновь рождается из первоначального дара: Израиль открывается действию Бога, желающего освободить его от бедствий. Вера призвана пройти длинный путь, чтобы обрести возможность поклоняться Господу на Синае и унаследовать обетованную землю. У Божественной любви черты отца, несущего ребенка на всем пути (ср. Втор 1, 31). Исповедание веры Израиля развивается как повествование о благах Бога, о том, что Он делает, чтобы освободить и вести народ (ср. Втор 26, 5-11), как повествование, передаваемое народом из поколения в поколение. Свет Божий сияет для Израиля посредством памяти о событиях, совершенных Господом, вспоминаемых и исповедуемых в культе, передаваемых от родителей к детям. Тем самым мы узнаем, что свет, приносимый верой, связан с конкретным повествованием о жизни, с благодарным воспоминанием о благодеяниях Бога и о постепенном исполнении Его обетований. Это очень хорошо выражено в готической архитектуре: небесный свет проникает в величественные соборы через витражи, на которых изображена священная история. Свет Бога достигает нас через повествование о Его Откровении и тем самым способен осветить наше странствие во времени, напоминая о Божественных благах, показывая, как исполняются Его обетования.

13. История Израиля показывает нам также искушение неверием, которому народ неоднократно поддавался. Противоположность веры – идолопоклонство. И если Моисей беседует с Богом на Синае, то народ не выдерживает тайны сокровенного Божественного Лица, не выдерживает времени ожидания. Вера по своей природе требует отказа от желания немедленного мнимого обладания, предлагаемого нашим **видением**; вера – призыв открыться источнику света, уважая тайну, присущую Лику, намеренному открыть себя лично в надлежащее время. Мартин Бубер приводит определение идолопоклонства, данное рабби из Коцка: «Когда человек с почтением смотрит на кого-то, кто есть никто, – тогда это называется идолопоклонством»^[10]. Вместо веры в Бога отдается предпочтение поклонению идолу, чей облик можно зафиксировать, чье происхождение известно, ведь идол сделан нами. Обращаясь к идолам, мы не рискуем столкнуться с вероятностью призыва, заставляющего отказаться от какой бы то ни было уверенности, ведь «есть у них [у идолов] уста, но не говорят» (Пс 115, 5, согласно Vlg). То есть понятно, что идол – это претензия поставить самих себя в центр реальности, это поклонение делам своих рук. Человек, потерявший основополагающую уверенность, сообщающую его бытию единство, теряется в многообразии желаний; отказавшись от ожидания времени обетования, он рассеивается в тысячах мгновений своей истории. Идолопоклонство предлагает не путь, а множество тропинок, не ведущих к определенной цели, а уводящих в лабиринт. Не желающему довериться Богу придется внимать возгласам множества идолов: «Положись на меня!». Вера, будучи связана с обращением, противостоит идолопоклонству; вера – отказ от идолов ради возвращения к живому Богу посредством личной встречи. Верить значит доверять всегда принимающей и прощающей таинственной любви, поддерживающей и направляющей бытие, проявляющей свое могущество в способности исправить заблуждения нашей жизни. Вера заключается в готовности позволить Божественному

призыву вновь и вновь непрерывно преображать нас. Парадокс: в постоянном обращении к Господу человек находит надежный путь, освобождающий от хаотического движения, навязываемого идолами.

14. В вере Израиля выделяется и образ Моисея, посредника. Народ больше не может видеть образ Бога; именно Моисею было суждено говорить с Яхве (YHWH) на горе и передать всем волю Господа. Благодаря присутствию посредника Израиль научился идти сплоченно. Акт веры одного человека включается в общину, в совместное «мы» народа, который в вере становится одним – «сыном Моим, первенцем Моим», – так Бог назовет весь Израиль (ср. Исх 4, 22). Посредничество становится не препятствием, а открытостью: во встрече с другими взгляд открывается истине, намного превосходящей нас самих. Ж.-Ж. Руссо жаловался, что ему недоступно личное видение Бога: «Сколько людей между Богом и мной!»^[11]; «Легко ли, естественно ли представить себе, что Бог направился к Моисею, чтобы говорить с Жан-Жаком Руссо?»^[12]. Исходя из индивидуалистской и ограниченной концепции познания, невозможно понять смысл посредничества, эту способность приобщиться к видению другого, способность к сопричастности, заключающуюся именно в знании любви. Вера – безвозмездный дар Бога, требующий смирения и мужества довериться и положиться, чтобы видеть лучезарный путь встречи Бога с людьми, историю спасения.

Полнота христианской веры

15. «Авраам рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Ин 8, 56). Согласно этим словам Иисуса, вера Авраама была устремлена к Нему, была, в определенном смысле, предвосхищающим видением Его тайны. Так понимает эти слова святой Августин; он утверждает, что Патриархи спаслись верой – верой не в уже пришедшего Христа, а верой в грядущего Христа, верой, устремленной к будущему событию Иисуса^[13]. Христианская вера сконцентрирована на Христе, она есть исповедание Иисуса Господом и Его воскрешения Богом из мертвых (ср. Рим 10, 9). Все сюжеты Ветхого Завета собраны во Христе, Он становится окончательным «да» всех обетований, основанием нашего последнего «Аминь» Богу (ср. 2 Кор 1, 20). Жизнь Иисуса – совершенное проявление надежности Бога. Если Израиль вспоминал великие деяния Божией любви, формировавшие средоточие его исповедания и открывавшие взгляд на веру, то теперь жизнь Иисуса предстает пространством окончательного вмешательства Бога, наивысшим проявлением Его любви к нам. В Иисусе Бог обращает к нам не просто слово, еще одно среди прочих, а Свое вечное Слово (ср. Евр 1, 1-2). Нет ничего выше, чем это убеждение Бога в Его любви, как напоминает нам святой Павел (ср. Рим 8, 31-39). То есть христианская вера – вера в полноту Любви, в ее действенную силу, в ее способность преобразить мир и просветлять время. «Мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее» (1 Ин 4, 16). Вера обретает в любви Божией, явленной в Иисусе, основание, на которое опирается реальность, и свое окончательное предназначение.

16. Величайшее доказательство надежности Христовой любви заключено в Его смерти ради человека. И если отдать жизнь за друзей значит в наибольшей степени доказать свою любовь к ним (ср. Ин 15, 13), то Иисус отдал Свою жизнь за всех, даже за врагов, чтобы преобразить сердце. Вот почему евангелисты воспринимали час Креста как кульминационный момент взгляда веры, поскольку именно в этот час сияет свет величия и полноты Божественной любви. Святой Иоанн поместит сюда торжественное свидетельство о том, как вместе с Матерью Иисуса он созерцал Того, Кого пронзили (ср. Ин 19, 37): «И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (Ин 19, 35). Главный герой романа Ф.М. Достоевского *Идиот*, князь Мышкин, глядя на изображение мертвого Христа во гробе, творение Ханса Хольбейна Младшего, воскликнул: «Да от этой картины у иного вера может пропасть!»^[14]. Действительно, эта картина очень жестоким образом представляет разрушительные для тела Христова последствия смерти. И все же именно в созерцании смерти Иисуса вера укрепляется и обретает ослепительный свет, поскольку открывается как вера в Его нерушимую любовь к нам, способную войти в смерть, чтобы спасти нас. И можно верить в эту любовь, не уклонившуюся от смерти ради того, чтобы показать, насколько я ею любим; ее целостность побеждает любое подозрение и позволяет нам полностью довериться Христу.

17. Далее, смерть Христова снимает покров с абсолютной надежности любви Божией в свете Его Воскресения. Христос, будучи Воскресшим, есть надежный, достойный веры свидетель (ср. Откр 1, 5; Евр 2, 17), крепкая опора для нашей веры: «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна», – утверждает святой Павел (1 Кор 15, 17). Если бы любовь Отца не воскресила Иисуса из мертвых, если бы не смогла вернуть жизнь Его телу, то не была бы совершенно надежной любовью, способной просветить и мрак смерти. Святой Павел, говоря о своей новой жизни во Христе, имеет в виду «веру в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал 2, 20). Эта «вера в Сына Божия», безусловно, есть вера в Иисуса самого Апостола народов, но она предполагает также надежность Иисуса, которая основывается, конечно, на Его любви вплоть до смерти, но также и на Его бытии Сыном Божиим. Иисус – Сын, совершенным образом укорененный в Отце, именно поэтому Он смог победить смерть и дать воссиять жизни в полноте. Наша культура утратила представление о таком конкретном присутствии Бога, о Его деянии в мире. Мы думаем, что Бог находится где-то по ту сторону, на другом уровне реальности, вдали от наших конкретных отношений. Но если бы это было так, если бы Бог был неспособен действовать в мире, то Его любовь не была бы поистине всемогущей, поистине реальной, а значит, не была бы и настоящей любовью, способной подарить обетованное счастье. То есть было бы совершенно безразлично – верить в Него или не верить. Однако христиане исповедуют конкретную и всемогущую любовь Бога, по-настоящему действующую в истории и определяющую ее окончательную судьбу – любовь, сделавшуюся возможной для встречи, в полной мере открывшуюся в Страстях, Смерти и Воскресении Христа.

18. Полнота, которую Иисус приносит вере, имеет еще один решающий аспект. В вере Христос – не просто Тот, в Кого мы верим, высочайшее проявление Божией любви, но и Тот, с Кем мы соединяемся, чтобы суметь поверить. Вера смотрит не только на Иисуса, но и с точки зрения Иисуса, Его очами: вера – соучастие в Его образе видения. Во многих сферах жизни мы доверяемся другим людям, зная что-то лучше нас. Мы полагаемся на архитектора, строящего наш дом, на фармацевта, предлагающего нам лекарство для лечения, на адвоката, защищающего нас в суде. И мы нуждаемся в ком-то, на кого можно положиться как на эксперта в делах Божиих. Иисус, Его Сын, являет себя как Тот, Кто дает нам знание о Боге (ср. Ин 1, 18). Жизнь Христа – то, как Он знает Отца и живет всецело в соединении с Ним – открывает новое пространство для человеческого опыта, куда и мы можем войти. Святой Иоанн с помощью разнообразного использования глагола *верить* показал, как важна для нашей веры личная связь с Иисусом. Наряду с «верить, что» сказанное нам Иисусом истинно (ср. Ин 14, 10; 20, 31), Иоанн использует также выражения «верить» Иисусу и «верить в» Иисуса. «Мы верим» Иисусу, принимая Его Слово, Его свидетельство, поскольку оно истинно (ср. Ин 6, 30). «Мы верим в» Иисуса, лично принимая Его в нашей жизни и доверяя Ему, соглашаясь с Ним в любви и следуя за Ним по пути (ср. Ин 2, 11; 6, 47; 12, 44).

Чтобы позволить нам узнать Себя, принять и следовать за Ним, Сын Божий принял нашу плоть и поэтому смотрел на Отца так же, как человек, следующий по пути и странствующий во времени. Христианская вера – это вера в Воплощение Слова и Его Воскресение во плоти; вера в Бога, Который настолько приблизился к нам, что вошел в нашу историю. Вера в Сына Божия, ставшего человеком в Иисусе из Назарета, не отделяет нас от реальности, но позволяет нам понять ее глубочайшее значение, открыть, насколько Бог любит этот мир и непрерывно направляет его к Себе; и это побуждает христианина брать на себя обязательства, еще интенсивнее переживать свой земной путь.

Спасение через веру

19. Исходя из этого соучастия в образе видения Иисуса, апостол Павел в своих посланиях оставил нам описание бытия в вере. Верующий принятием дара веры преобразен в новое творение, он получает новое бытие – сыновнее бытие, становится сыном в Сыне. «Авва, Отче» – самое характерное слово опыта Иисуса, становящееся центром христианского опыта (ср. Рим 8, 15). Жизнь в вере, будучи сыновним существованием, представляет собой признание первоначального и радикального дара, лежащего в основании бытия человека. Ее можно обобщить в вопросе святого Павла к коринфянам: «Что ты имеешь, чего бы не получил?» (1 Кор 4, 7). Именно здесь заключена сердцевина полемики святого Павла с фарисеями, дискуссия о спасении через веру или посредством дел закона. Святой Павел отвергает именно подход желающего оправдать себя перед Богом с помощью своих поступков. Такой человек, даже соблюдая заповеди, даже совершая добрые дела, ставит в центр себя самого и не признает, что источник благодати – Бог. Кто так поступает, кто желает

быть источником собственной праведности, быстро видит, как она исчерпывается, и осознает, что даже не может сохранять верность закону. Он закрывается, изолируясь от Господа и других, и поэтому его жизнь становится пустой, а дела – бесплодными, подобно дереву, стоящему далеко от воды. Святой Августин выражает эту мысль в присущей ему краткой и выразительной манере: «*Ab eo qui fecit te noli deficere nec ad te*» – «От того, кто тебя сотворил, не отвращайся, даже обращаясь к самому себе»^[15]. Когда человек думает, что, отдалившись от Бога, обретет себя самого, его бытие терпит крах (ср. Лк 15, 11-24). Начало спасения – открытость чему-то предшествующему, изначальному дару, утверждающему жизнь и сохраняющему в бытии. Лишь в открытии этому источнику и в признании его мы можем быть преобразены, позволяя спасению действовать в нас и делать жизнь плодотворной, наполненной добрыми плодами. Спасение через веру заключается в признании первенства дара Божия, как подытоживает святой Павел: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф 2, 8).

20. Новая логика веры сосредоточена на Христе. Вера во Христа спасает нас, потому что именно в Нем жизнь радикально открывается Любви, предвосхищающей и преобразующей нас изнутри, действующей в нас и с нами. Эта мысль очевидна в предложенном Апостолом народов экзегезисе отрывка из Второзакония – в экзегезисе, вписывающемся в глубочайший динамизм Ветхого Завета. Моисей сказал народу, что Божия заповедь не слишком высока для человека и не слишком далека от него. Нельзя говорить: «Кто взойдет бы для нас на небо и принес бы ее нам?» – или: «Кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам?» (ср. Втор 30, 11-14). Святой Павел интерпретирует близость Слова Божия как указание на присутствие Христа в христианине: «Не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо? то есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести» (Рим 10, 6-7). Христос сошел на землю и воскрес из мертвых; Своим Воплощением и Воскресением Сын Божий объял весь путь человека и обитает в наших сердцах благодаря Святому Духу. Вера знает, что Бог стал очень близок к нам, что Христос был дан нам как великий дар, преобразующий нас изнутри, обитающий в нас и тем самым дарующий нам свет, освещающий начало и конец жизни, на всем протяжении человеческого пути.

21. Таким образом, мы можем понять, к какой новизне нас ведет вера. Верующий преобразен Любовью, которой открылся в вере, и когда он открывается этой предложенной ему Любви, его существование преодолевает собственные границы. Святой Павел может утверждать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2, 20), – и побуждать: «Да даст верою вселиться Христу в сердца ваши» (ср. Еф 3, 17). В вере «я» верующего расширяется, чтобы его населял Другой, чтобы жить в Другом, и так его жизнь расширяется в Любви. В этом состоит специфическое действие Святого Духа. Христианин может обрести очи Иисуса, Его чувствования, Его сыновнее расположение, потому что он стал участником Его Любви, Которая есть Дух. Именно в этой Любви обретается некоторым образом видение, присущее Иисусу. Без уподобления в Любви, без присутствия Духа, изливаемого ею в наши сердца (ср. Рим 5, 5), невозможно исповедовать Иисуса Господом (ср. 1 Кор 12, 3).

Экклезиальная форма веры

22. Таким образом, бытие верующего становится экклезиальным бытием. Святой Павел, говоря христианам Рима о том, что все верующие во Христе образуют единое тело, призывает их не гордиться; напротив, каждый должен оценивать себя «по мере веры, какую каждому Бог уделил» (Рим 12, 3). Верующий учится смотреть на себя, исходя из исповедуемой веры: образ Христа – зеркало, показывающее ему, каков стал его облик. И как Христос объемлет в Себе всех верующих, образующих Его тело, так христианин постигает себя в этом теле, в изначальной связи в вере со Христом и с братьями. Образ тела не сводит христианина до уровня простой частицы безымянного целого, до уровня всего лишь элемента огромного механизма, но, скорее, подчеркивает жизненно важный союз Христа со всеми верующими и всех верующих – друг с другом (ср. Рим 12, 4-5). Христиане составляют «одно» (ср. Гал 3, 28), но не утрачивают собственной индивидуальности, и в служении другим каждый в полной мере обретает свое бытие. Поэтому понятно, почему вне этого тела, вне единства Церкви во Христе, вне Церкви – которая, по словам Романо Гвардини, «представляет собой передатчик в истории абсолютного взгляда Христа на мир»^[16], – вера утрачивает свою «меру», лишается своего равновесия, пространства, необходимого, чтобы удержаться. Вера обязательно имеет экклезиальную форму, исповедуется изнутри Тела Христова как конкретное общение верующих. Именно из экклезиального пространства она открывает отдельного христианина всем людям. Однажды услышанное Слово Христово силой своего динамизма преобразуется в христианине в ответ и, в свою очередь, становится возглашаемым словом, исповеданием веры. Святой Павел утверждает: «Сердцем веруют [...], а устами исповедуют...» (Рим 10, 10). Вера – не личное дело, индивидуалистская концепция или субъективное мнение. Вера рождается из слушания и должна возглашаться, становиться проповедью. Ведь «как веровать [в] [Того], о Ком не слышали? как слышать без проповедующего?» (Рим 10, 14). Итак, вера становится действующей в христианине, исходя из полученного дара, из Любви, привлекающей к Христу (ср. Гал 5, 6), и делает соучастниками пути Церкви, странствующей по истории к ее завершению. Для преобразенного таким образом человека открывается новый способ *видения*, вера становится светом для его очей.

Часть II

ЕСЛИ НЕ УВЕРУЕТЕ, ТО НЕ ПОЙМЕТЕ

(ср. Ис 7, 9)

23. Если не уверуете, то не поймете (ср. Ис 7, 9). Так передает слова пророка Исайи, обращенные к царю Ахазу, греческая версия еврейской Библии, перевод Семидесяти, выполненный в Александрии Египетской. То есть в центр веры поставлена проблема познания истины. Но в еврейском тексте мы видим другое. В нем пророк говорит царю: «Если не уверуете, не устоите». Игра слов, двух форм глагола *'amân*: «уверуете» (*ta'aminu*) и «устоите» (*te'amenu*). Устрашенный могуществом врагов, царь ради безопасности стремится заключить союз с огромной Ассирийской империей. Пророк же призывает его полагаться только на истинную, непоколебимую скалу – на Бога Израиля. Поскольку Бог надежен, разумно веровать в Него, созидать собственную безопасность на Его Слове. Именно этого Бога Исайя далее дважды назовет «Богом истины» – «Богом-Аминь» (ср. Ис 65, 16), нерушимым основанием верности завету. Можно счесть, что греческая версия Библии, переведя «устоять» как «понять», глубоко видоизменила текст, перейдя от библейского понятия доверия Богу к греческому представлению о понимании. Однако этому переводу, безусловно, учитывавшему диалог с эллинистической культурой, не чужда глубинная динамика еврейского текста. Твердость, обещанная Исайей царю, связана именно с пониманием действия Бога и даруемого Им единства жизни человека и истории народа. Пророк увещевает постичь пути Господа, обретя в верности Бога замысел мудрости, управляющей веками. Святой Августин выразил синтез «понять» и «устоять» в *Исповеди*, говоря об истине, на которую можно полагаться, чтобы удержаться на ногах: «Тогда я встану и утвержусь в Тебе, [...] в истине Твоей»^[17]. Из контекста мы знаем, что святой Августин желает показать, каким образом достоверная истина Бога, согласно Библии, проявляется как Его верное присутствие в истории, как Его способность соединять времена, собирая рассеяние дней человека^[18].

24. Текст Исайи, прочитанный в таком свете, приводит к заключению: человек нуждается в познании, нуждается в истине, потому что без нее нельзя устоять, нельзя продвигаться вперед. Вера без истины не спасает, не сообщает уверенность нашим шагам, а оказывается прекрасной сказкой, проекцией наших мечтаний о счастье, тем, чем мы довольствуемся только в той мере, в какой мы хотим поддаться иллюзии. Или сводится к приятному чувству, утешающему и согревающему, но подчиненному смене нашего настроения, превратностям эпохи – чувству, неспособному сохранять постоянство на жизненном пути. Если бы вера была такова, то у царя Ахаза было бы основание для того, чтобы не играть собственной жизнью и безопасностью царства из-за эмоции. Но именно в силу своей внутренней связи с истиной вера способна пролить новый свет, превосходящий расчеты царя, потому что вера видит дальше, понимает деяние Бога, верного Своему завету и Своим обетованиям.

25. Именно из-за переживаемого нами кризиса истины сегодня, как никогда, необходимо напоминать о связи веры с истиной. Современная культура зачастую склонна принимать за истину только лишь технологию: истинно то, что человек способен построить и измерить с помощью науки, истинно, потому что работает, а значит, делает жизнь удобнее и легче.

Сегодня лишь это кажется единственной надежной истиной, считают, что только этим можно делиться с другими, только об этом дискутировать и этим совместно действовать. С другой стороны, якобы, у каждого своя истина, подлинная лишь в том, что каждый чувствует внутри себя, действительная только для индивидуума, и ее нельзя предлагать другим, претендуя на служение общему благу. На великую истину, объясняющую совокупность личностной и социальной жизни, смотрят с подозрением. Возникает вопрос: разве не такова была истина могущественных тоталитарных систем прошлого века, навязывавшая собственную глобальную концепцию ради угнетения реальной жизни отдельного человека? Остается релятивизм, больше не интересующийся вопрошанием об истине всего – вопрошанием, в конечном счете, о Боге. В этой перспективе логично стремиться разорвать связь религии с истиной, поскольку это единство, якобы, лежит в корне фанатизма, намеренно угнетающего тех, кто не разделяет его верования. В связи с этим можно сказать, что наш современный мир страдает серьезным провалом в памяти. Ведь вопрошание об истине – проблема памяти, глубокой памяти, так как оно обращено к тому, что предваряет нас и, таким образом, может объединять нас за рамками нашего ничтожного и ограниченного «я». Это вопрошание об источнике всего, в свете которого возможно различить цель, а значит, и смысл общего пути.

Познание истины и любви

26. Может ли в этой ситуации христианская вера послужить общему благу в плане верного понимания истины? Чтобы ответить, нужно поразмышлять над типом познания, присущим вере. Нам может помочь утверждение святого Павла: «Сердцем веруют» (Рим 10, 10). В Библии сердце – центр человека, где пересекаются все измерения: тело и дух; внутренний мир личности и открытость миру и другим; интеллект, воля, чувственная сфера. Сердце способно удержать вместе эти измерения именно потому, что представляет собой пространство, где мы открываемся истине и любви, позволяем им затронуть нас и глубоко преобразить нас. Вера преображает всю личность, поскольку личность открывается любви. Именно в пересечении веры и любви становится понятной форма познания, присущая вере, ее сила убежденности, ее способность освещать наши пути. Вера познает, поскольку связана с любовью, так как сама любовь несет свет. Познание веры рождается именно тогда, когда мы получаем великую любовь Бога, преображающую нас изнутри и дарующую нам новые очи, чтобы видеть реальность.

27. Известно, как философ Людвиг Витгенштейн объяснил связь между верой и уверенностью. Согласно ему, процесс веры похож на опыт влюбленности, понимаемый как нечто субъективное, как нечто, что нельзя предлагать в качестве истины, действительной для всех^[19]. Так, современному человеку кажется, что проблема любви не имеет ничего общего с истиной. Сегодня любовь представляется опытом, связанным с миром непостоянных чувств, а не с истиной.

Разве такое описание соответствует любви? В реальности, любовь нельзя сводить к приходящему и уходящему чувству. Да, она затрагивает нашу чувственную сферу, но для того, чтобы открыть ее любимой личности и начать тем самым путь, представляющий собой выход из закрытости в собственном «я» и стремление к другой личности ради созидания длительной связи; любовь нацелена на союз с любимой личностью. То есть понятно, в каком смысле любовь нуждается в истине. Только будучи основанной на истине, любовь способна сохраняться во времени, преодолевать эфемерное мгновение и оставаться крепкой, поддерживая на общем пути. Любовь, не связанная с истиной, подчиняется смене чувств и не выдерживает испытания временем. Истинная же любовь, напротив, объединяет все измерения нашей личности и становится новым светом на пути, направленном к значительной и полноценной жизни. Без истины любовь не может предложить крепкие узы, не способна ни вывести «я» за рамки его изоляции, ни освободить его от брэнности ради созидания плодотворной жизни.

Если любовь нуждается в истине, значит, и истина нуждается в любви. Любовь и истина неразделимы. Без любви истина оказывается холодной, безликой, угнетает реальную жизнь личности. Искомая истина, сообщающая смысл нашим шагам, освещает нас, если мы затронуты любовью. Любящий понимает, что любовь – опыт истины, что любовь открывает наши глаза, чтобы мы по-новому видели всю реальность, в единстве с любимой личностью. В этом смысле святой Григорий Великий написал «*amor ipse notitia est*», любовь сама есть познание, она приносит с собой новую логику[20]. Речь идет о взаимообусловленном взгляде на мир, становящемся совместным познанием, **видением** в **видении** другого и общем **видении** всего. В Средние века Гильом из Сен-Тьерри в русле этой традиции комментирует стих из Песни Песней, где любящий говорит любимой: глаза твои – глаза голубиные (ср. Песн 1, 15, согласно Vlg)[21]. Гильом объясняет: эти два глаза – верующий разум и любовь, соединяющиеся в единое око ради созерцания Бога, если интеллект становится «интеллектом просвещенной любви»[22].

28. Это открытие любви как источника познания, принадлежащего изначальному опыту каждого человека, обретает достоверное выражение в библейском представлении о вере. Израиль, наслаждаясь любовью, с которой Бог его избрал и родил как народ, доходит до понимания единства Божественного замысла, от начала до завершения. Познание веры, в силу рождения из любви Бога, устанавливающего Завет, представляет собой познание, освещающее путь в истории. Далее, именно поэтому в Библии истина сопутствует верности: Бог истинный есть Бог верный – Тот, Кто исполняет Свои обетования и позволяет со временем понять Свой замысел. Через опыт пророков, в скорби изгнания и в надежде на окончательное возвращение в святой город, Израиль интуитивно понял, что эта истина Бога распространяется за рамки его истории и объемлет историю всего мира от сотворения. Познание веры освещает не только особый путь того или иного народа, но все движение сотворенного мира, от истока до окончания.

Вера как слушание и видение

29. Познание веры связано с заветом верного Бога, укрепляющего узы любви с человеком и обращающего к нему Слово, и поэтому такое познание представлено в Библии как слушание, оно связано с чувством слуха. Святой Павел использует ставшую классической формулу: *fides ex auditu*, «вера от слышания» (Рим 10, 17). Познание, объединенное со словом, всегда представляет собой личностное познание, узнающее голос, в свободе открывающееся ему и следующее ему в послушании. Вот почему святой Павел говорил о «послушании вере» (ср. Рим 1, 5; 16, 26, согласно Vlg)[23]. К тому же вера – это познание, обусловленное ходом времени, необходимого слову для того, чтобы быть произнесенным: познание, которому можно научиться только на пути следования. Слушание помогает хорошо представить связь между познанием и любовью.

Что касается познания истины, то слушание порой противопоставлялось **видению**, понятию, присущему греческой культуре. Если, с одной стороны, свет предлагает созерцание всего, о чем всегда мечтал человек, то, с другой стороны, казалось бы, не оставляет пространства для свободы: свет нисходит с неба и непосредственно проникает в око, не требуя от ока ответа. К тому же можно счесть, что «**видение**» приглашает к статичному созерцанию, отделенному от реального времени, когда человек наслаждается и страдает. В русле этой концепции библейский подход к познанию якобы противоречит греческому, стремившемуся к полному пониманию реальности и поэтому связавшему познание с **видением**.

Тем не менее очевидно, что это мнимое противопоставление не соответствует библейским фактам. В Ветхом Завете совмещены оба типа познания, так как слушание Слова Божия совпадает с желанием видеть лик Божий. Тем самым оказалось возможным развить диалог с эллинистической культурой – диалог, относящийся к сути Священного Писания. Слушание подтверждает личное призвание и послушание, а заодно и тот факт, что истина открывается во времени; зрение дает полное **видение** всего пути и позволяет найти свое место в великом замысле Бога; без такого **видения** в нашем распоряжении оказались бы всего лишь отдельные фрагменты неизвестного целого.

30. Связь между **видением** и слушанием как средствами познания веры со всей очевидностью предстает в Евангелии от Иоанна. В четвертом Евангелии верить значит слушать и в то же время видеть. Слушание веры происходит в форме познания, присущего любви: это личное слушание, различающее голос и узнающее по нему Доброго Пастыря (ср. Ин 10, 3-5); слушание, требующее следования, что и происходит с первыми учениками – те, «услышав от него сии слова, [...] пошли за Иисусом» (Ин 1, 37). С другой стороны, вера связана и с **видением**. Порой **видение** Иисусовых знамений предваряет веру, как в случае с иудеями после воскрешения Лазаря: «... Видевшие, что сотворил Иисус, уверовали в Него» (Ин 11, 45). Иногда именно вера ведет к более глубокому **видению**: «... Если будешь веровать, увидишь славу Божию» (Ин 11, 40). Наконец, верить и видеть пересекаются: «...

Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня» (Ин 12, 44-45). Благодаря союзу со слушанием процесс видения становится следованием за Христом, и вера предстает как путь видения, на котором глаза привыкают смотреть вглубь. И вот в Пасхальное утро мы переходим от видения Иоанна – он еще в темноте перед пустым гробом «и увидел, и уверовал» – к видению Марии Магдалины: та уже видит Иисуса (ср. Ин 20, 14) и хочет задержать Его, но получает призыв созерцать Его восхождение к Отцу; наконец, Магдалина перед учениками свидетельствует о полноте исповедания: «Я видела Господа!» (Ин 20, 18).

Как же достигается этот синтез слуха и зрения? Это становится возможным, исходя из видения и слушания реальной личности Иисуса. Он – Слово, ставшее плотью, чью славу мы созерцали (ср. Ин 1, 14). Свет веры – свет Лица, в котором виден Отец. Ведь, согласно четвертому Евангелию, истина, улавливаемая верой, представляет собой явление Отца в Сыне, в Его плоти и в Его земных деяниях, эту истину можно определить как «светящуюся жизнь» Иисуса[24]. Это означает, что познание веры не призывает нас смотреть на чисто внутреннюю истину. Вера открывает нам истину, сконцентрированную именно на встрече со Христом, на созерцании Его жизни, на восприятии Его присутствия. В связи с этим святой Фома Аквинский говорит об *oculata fides* Апостолов – о видящей вере! – в отношении телесного видения Воскресшего[25]. Они своими очами видели воскресшего Иисуса и уверовали, то есть смогли проникнуть в глубину видимого, чтобы исповедовать Сына Божия, воссевшего одесную Отца.

31. Только так, посредством Воплощения, посредством сопричастности нашей человеческой природе познание, присущее любви, могло достичь совершенства. Свет любви зарождается, если наше сердце затронуто и, таким образом, мы принимаем внутреннее присутствие в нас любимого, позволяющее познать его тайну. Теперь понятно, почему для святого Иоанна вера, наряду со «слышать» и «видеть», также значит «прикасаться», как сказано в его первом Послании: «О том, [...] что мы слышали, что видели своими очами, [...] и что осязали руки наши, о Слове жизни...» (1 Ин 1, 1). Своим Воплощением, пришествием к нам, Иисус прикоснулся к нам и прикасается к нам по сей день посредством таинств; тем самым, преображая наше сердце, Он позволил и позволяет нам узнавать Его и исповедовать Сыном Божиим. Благодаря вере мы можем прикоснуться к Нему и получить силу Его благодати. Святой Августин, толкуя отрывок о больной кровотечением женщине, прикасающейся к Иисусу, чтобы исцелиться (ср. Лк 8, 45-46), утверждает: «Прикасаться сердцем и есть верить»[26]. Толпа теснится вокруг Него, но не достигает Его личным прикосновением веры, знающей о Его тайне, о Его бытии Сыном, показывающим Отца. Только если мы уподобимся Иисусу, наши глаза получат способность видеть Его.

32. Христианская вера, будучи возвещением истины об абсолютной любви Божией, открывает нас силе этой любви, проникает в сокровеннейшую сердцевину опыта каждого человека, приходящего на свет благодаря любви и призванного любить, чтобы пребывать в свете. Первые христиане, движимые желанием просветить всю реальность, исходя из любви Бога, явленной в Иисусе, старались любить подобной любовью и встречали в греческом мире, в его жажде истины, подходящего *партнера* по диалогу. Встреча евангельской вести с философским мышлением античного мира оказалась решающим шагом для того, чтобы Евангелие достигло всех народов, и содействовала плодотворному взаимодействию веры и разума, развивавшемуся веками вплоть до наших дней. Блаженный Иоанн Павел II в энциклике *Fides et ratio* описал, как вера и разум укрепляют друг друга[27]. Обретая яркий свет любви Иисуса, мы открываем, что в любой нашей любви мелькал проблеск этого света, и понимаем, какова была ее последняя цель. И в то же время тот факт, что наша любовь несет в себе свет, помогает нам видеть путь любви к полноте всецелой самоотдачи Сына Божия нам. В этом круговом движении свет веры освещает все наши человеческие взаимоотношения, их можно переживать в единении с любовью и нежностью Христа.

33. В жизни святого Августина мы встречаем показательный пример пути, на котором поиск разума, наряду с желанием найти истину и ясность, интегрировавшись в горизонт веры, подарил ему новое понимание. С одной стороны, Августин принимает греческую философию света, настаивающую на видении. Встреча с неоплатонизмом позволила ему познакомиться с парадигмой света: свет нисходит свыше и все освещает, поэтому символизирует Бога. Тем самым святой Августин понял Божественную трансцендентность и открыл, что всему присуща прозрачность, позволяющая отражать благодать Бога, Блага. Так он освободился от изначально присущего ему манихейства, побуждавшего думать, что зло и благо, якобы, непрерывно борются друг с другом, спутываясь и смешиваясь, не имеют четких очертаний. Понимание того, что Бог есть свет, позволило ему по-новому сориентироваться в жизни, сделало способным признать совершенное зло и обратиться к благу.

Однако, с другой стороны, в реальном опыте святого Августина, им самим же рассказанном в *Исповеди*, решающим мгновением на пути веры оказалось не то, когда он увидел Бога вне этого мира, а, скорее, когда услышал в саду голос, взывавший к нему: «Возьми и читай»; он взял книгу с Писаниями святого Павла и остановился на тринадцатой главе Послания к Римлянам[28]. Так ему предстал Бог-Личность Библии, способный говорить человеку, снисходить, чтобы жить с ним и сопровождать на его пути в истории, проявляя Себя во время слушания и ответа.

Тем не менее, эта встреча с Богом Слова не привела святого Августина к отказу от света и видения. Он соединил обе перспективы, неизменно руководствуясь откровением о любви Божией в Иисусе. Так он разработал философию света, согласно которой свету присуще

такое качество слова, как взаимность, благодаря чему появляется возможность свободно взирать на свет. Как слово встречает свободный отклик, так свет обретает своего рода ответ в отражающем его образе. И тогда, соединяя слушание и видение, святой Августин может обращаться к «слову, сияющему в человеке»[29]. Можно сказать, что свет тем самым становится светом слова, будучи светом личного Лица, светом, который, освещая нас, призывает нас и желает отражаться в нашем облике, чтобы сиять изнутри нас. С другой стороны, остается желание обрести видение целого, а не только фрагментов истории, оно исполнится в конце, когда человек, по словам Гиппонского Святого, увидит и полюбит[30]. И не потому, что станет способен в совершенстве овладеть светом, неизменно остающимся неисчерпаемым, а потому что целиком войдет в свет.

34. Свет любви, присущий вере, может осветить вопрошания нашей эпохи об истине. Сегодня истина зачастую сводится к субъективной аутентичности отдельного лица, действительной только для индивидуальной жизни. Общая истина нас пугает, потому что мы отождествляем ее с нетерпимым принуждением тоталитарных систем. Но если истина есть истина любви, если истина, раскрывается в личной встрече с Другим и с другими, значит, она свободна от закрытости отдельного лица и может быть частью общего блага. Будучи истиной любви, такая истина не навязывается насильственно, не уничтожает отдельное лицо. Рождаясь из любви, она способна достичь сердца, центра личности каждого человека. Поэтому очевидно, что вера не является нетерпимой, а возрастает в уважительном сосуществовании с другим. Верующий не надменен; напротив, истина делает его смиренным, знающим, что не столько мы обладаем верой, сколько именно вера нас объемлет и обладает нами. Уверенность веры отнюдь не ожесточает нас, а выводит на путь и делает возможными свидетельство и диалог со всеми.

С другой стороны, свет веры, будучи соединен с истиной любви, не отчуждает нас от материального мира, потому что любовь всегда переживается телом и душой; свет веры – воплощенный свет, исходящий от светящейся жизни Иисуса. Свет веры освещает и материю, доверяет ее порядку, знает, что в ней открывается все более широкий путь гармонии и понимания. Поэтому научный взгляд извлекает пользу из веры: вера призывает ученого оставаться открытым реальности, во всем ее неисчерпаемом богатстве. Вера пробуждает критический дух, так как не позволяет ученым довольствоваться формулами, а помогает понять, что природа всегда неизмеримо больше их. Приглашая к чудесам тайны творения, вера раздвигает горизонты разума, чтобы лучше освещать мир, раскрывающийся перед научными изысканиями.

Вера и поиск Бога

35. Свет веры в Иисусе освещает и путь всех, кто ищет Бога, и вносит свой христианский вклад в диалог с последователями разных религий. Послание к Евреям говорит нам о свидетельстве праведников, с верой искавших Бога еще до Его Завета с Авраамом. О

Енохе сказано: «... Получил он свидетельство, что угодил Богу» (Евр 11, 5), что невозможно без веры, «ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» (Евр 11, 6). То есть мы можем понять, что путь религиозного человека проходит через исповедание заботящегося о нем Бога, Которого возможно встретить. Чем же более ценным мог бы Бог воздать ищущим Его, если не встречей с Собой? Но еще раньше мы встречаем образ Авеля, и его вера прославляется за то, что Богу были угодны его дары, жертва первенцев его стад (ср. Евр 11, 4). Религиозный человек старается распознать Божии знамения в повседневном опыте своей жизни, в цикле времен года, в плодородии земли и во всем движении космоса. Бог сияет, и те, кто ищут искренним сердцем, могут встретить Его.

Образом такого поиска служат Волхвы, следовавшие за звездой до самого Вифлеема (ср. Мф 2, 1-12). Для них Божий свет проявился как путь, как звезда, направляющая на всем пути открытий. То есть звезда говорит нам о терпении Бога к нашим очам – им требуется привыкнуть к Его сиянию. Верующий человек находится в пути и должен быть готов позволить направлять себя, выйти за пределы себя, чтобы найти всегда удивляющего Бога. Уважение Бога к человеческим очам показывает нам, что когда человек приближается к Нему, человеческий свет не растворяется в сияющем величии Бога, подобно звезде, поглощенной рассветом, а становится еще ярче, потому что приближается к изначальному огню, совсем как зеркало, отражающее пламя. Христианское исповедание Иисуса, единственного Спасителя, утверждает, что в Нем, в его «светящейся жизни», сосредоточился весь свет Бога, открывающий начало и завершение истории^[31]. Нет ни одного человеческого опыта, ни одного пути человека к Богу, который этот свет не смог бы принять, осветить и очистить. Чем больше христианин погружается в круг, разомкнутый светом Христа, тем больше он способен понять и сопутствовать любому человеку на пути к Богу.

Вера вырисовывается как путь и именно поэтому касается жизни тех людей, кто, хотя не верует, но желает уверовать и не прекращает поиски. В той мере, в какой они искренним сердцем открываются любви и вступают на путь с тем светом, какой способны принять, в такой они, не зная об этом, уже живут на пути к вере. Они стараются поступать так, как будто знают, что Бог есть, так как порой признают Его важность в обретении надежных ориентиров для общей жизни или же потому, что испытывают желание обрести свет во тьме. А может, потому, что эти люди, будучи восприимчивы к величию и красоте жизни, интуитивно улавливают, что присутствие Бога сделало бы жизнь еще величественнее. Святой Ириней Лионский повествует, что Авраам, прежде чем услышать голос Бога, уже искал Его «по внутреннему влечению своей души» и «прошел всю вселенную, расспрашивая, где Бог», пока «Бог умилосердился над ним, только тайно искавшим Его»^[32]. Тот, кто вступает на путь добрых дел, уже близок к Богу, уже укреплен Его помощью, потому что динамике Божественного света присуще просвещать наши очи, если мы следуем к полноте любви.

Вера и богословие

36. Вера – свет, и она призывает нас обратиться к ней, постоянно и все больше исследовать освещаемый ею горизонт, чтобы лучше понимать то, что мы любим. Из этого желания рождается христианское богословие. Очевидно, что богословие невозможно без веры, что оно относится, собственно, к движению веры, стремящейся к более глубокому постижению откровения Бога о Себе Самом и его кульминации – Тайны Христа. Первое следствие – в богословии, в отличие от экспериментальных наук, при исследовании для познания прилагается не только усилие интеллекта. Бога нельзя свести к объекту. Он – Субъект, дающий узнать Себя, и проявляет Себя в отношениях личности с личностью.

Неповрежденная вера направляет разум, чтобы тот раскрылся для исходящего от Бога света и мог глубже узнать Бога, руководствуясь любовью к истине. Выдающиеся учителя и средневековые богословы указали, что богословие, как наука веры, представляет собой участие в знании Бога о Самом Себе. То есть богословие – не просто слово о Боге, а, прежде всего, принятие и поиск более глубокого понимания слова, обращенного к нам Богом, – слова, которое Бог произносит о Себе Самом, потому что Он Сам есть вечный диалог общения и допускает к этому диалогу человека^[33]. То есть богословию свойственно смирение, позволяющее Богу «прикоснуться», признающее собственные границы перед Тайной и побуждающее исследовать с помощью методов, присущих интеллекту, непостижимые богатства этой Тайны.

Богословие разделяет экклезиальную форму веры; ее свет – это свет верующего субъекта, то есть Церкви. С одной стороны, это подразумевает служение богословия на благо веры христиан, смиренную защиту и углубление веры у всех, особенно у самых простых людей. Более того, богословие, живя верой, считает Учительство Папы и Епископов в общении с ним не чем-то внешним, ограничением собственной свободы, но, напротив – одной из своих внутренних составляющих, так как Учительство обеспечивает контакт с первоначальным источником и, следовательно, дает уверенность в черпании Слова Христова во всей его полноте.

Часть III

ПЕРЕДАЮ ВАМ ТО, ЧТО ПРИНЯЛ (ср. 1 Кор 15, 3)

Церковь, Матерь нашей веры

37. Тот, кто открылся любви Божией, услышал ее голос и принял ее свет, не может удерживать этот дар для себя. Вера, будучи слушанием и видением, передается также как слово и свет. Обращаясь к коринфянам, апостол Павел использовал именно два этих

символа. С одной стороны, он говорит: «Но, имея тот же дух веры, как написано: *я веровал и потому говорил*, и мы веруем, потому и говорим» (2 Кор 4, 13). Полученное слово становится ответом, исповеданием и, тем самым, снова звучит для других, призывая их уверовать. С другой стороны, святой Павел говорит и о свете: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу» (2 Кор 4, 6). Свет Христов сияет, словно в зеркале, на лицах христиан и так распространяется, доходит до нас, чтобы и мы смогли разделить это видение и отражать на других Его свет, как в литургии Пасхи от огня пасхальной свечи затепливается множество свечек. Можно сказать, вера передается при контакте от личности к личности, как от одного пламени возгорается новое. Христиане в бедности бросают столь плодородное семя, что оно вырастает в огромное дерево и способно насытить мир плодами.

38. Передача веры, сияющей повсеместно для всех людей, проходит и через ось времени, от поколения к поколению. Вера рождается из встречи, происходящей в истории, и освещает наш путь во времени, значит, должна передаваться через столетия. Лик Иисуса доходит до нас по непрерывной цепочке свидетельств. Как же это возможно? Как быть уверенными в том, что спустя столетия мы обращаемся к «истинному Иисусу»? Если бы человек был изолированным индивидуумом, если бы для обретения внутренней уверенности в знании мы бы отталкивались исключительно от собственного «я», то уверенность оказалась бы невозможной. Я не могу лично увидеть то, что случилось в столь далекую от меня эпоху. Следовательно, это не единственный способ познания человеком. Личность всегда с кем-то связана. Она происходит от других, принадлежит другим, ее жизнь достигает наибольшего величия во встрече с другими. И даже познание себя, самосознание, является формой взаимоотношений и связано с другими, с теми, кто нас предварил: в первую очередь, с нашими родителями, давшими нам жизнь и имя. Даже язык, слова, которыми мы интерпретируем нашу жизнь и реальность, достигает нас через других, будучи сохранен живой памятью других. Познание самого себя возможно только при условии участия в превосходящей нас памяти. То же самое и в вере, ведущей к полноте человеческого образа понимания. Прошлое веры, деяние любви Иисуса, родившее в мире новую жизнь, доходит до нас в памяти других, свидетелей, сохраненное живым в единственном субъекте веры – в Церкви. Церковь – Мать, учащая нас говорить на языке веры. Святой Иоанн настаивал на этом аспекте в Евангелии, связывая воедино веру и память и соединяя обе с действием Святого Духа, Который, по словам Иисуса, «напомнит вам все» (Ин 14, 26).

Любовь, являющаяся Духом и пребывающая в Церкви, соединяет между собой все эпохи, делает нас современниками Иисуса, становясь тем самым нашим водителем на пути веры.

39. Верить самим невозможно. Вера – не просто индивидуальный выбор, сделанный в душе верующего, не изолированная связь «я» верующего с Божественным «Ты», самостоятельного субъекта с Богом. По своей природе она открывается «нам», что

происходит неизменно в рамках церковного общения. Об этом напоминает диалогичная форма *Credo*, используемая в крещальной литургии. Верить – значит дать ответ на призыв, на слово, которое должно быть услышано, а не происходить от меня. Вера – поддержание диалога, она не может быть всего лишь исповеданием, рожденным отдельным человеком. Отвечать от первого лица «верую» можно, лишь принадлежа к огромной общине, лишь потому, что существует и ответ «веруем». Открытость еkkлезиальному «мы» происходит от открытости любви Божией, представляющей собой не только связь Отца и Сына, «я» и «ты»: в Святом Духе эта любовь становится «мы», общением ипостасей. Вот почему верующий никогда не одинок и почему вера стремится распространяться, приобщать других к своей радости. Получивший веру обнаруживает, что пространство его «я» расширяется, что в нем зарождаются новые, обогащающие жизнь взаимоотношения. Тертуллиан красноречиво выразил это, говоря о катехумене следующее: после «купели нового рождения» тот принят в доме Матери, где молитвенно простирала руки и вместе с братьями молится нашему Отцу, как бы получив новую семью[34].

Таинства и передача веры

40. Церковь, как любая семья, передает детям содержание своей памяти. Как ничего не утратить, а, напротив, все больше углубляться в наследие веры? Именно благодаря Апостольскому Преданию, сохраненному в Церкви при содействии Святого Духа, у нас есть живой контакт с основополагающей памятью. Как утверждает II Ватиканский Собор, то, что было передано апостолами, «объемлет все, что помогает Народу Божию вести святую жизнь и умножать веру; и таким образом Церковь в своем учении, жизни и культе непрерывно сохраняет и передает всем поколениям все то, чем она является, все то, во что она верует»[35].

Действительно, вера нуждается в сфере, позволяющей ей свидетельствовать и сообщать, и эта сфера должна соответствовать и быть пропорциональной сообщаемому. Для передачи чисто доктринальной мысли, идеи, возможно, хватило бы книги или повторения устного послания. Но в Церкви сообщается, в ее живом Предании передается именно новый свет, рождающийся из встречи с живым Богом, свет, затрагивающий самый центр личности, ее сердце, вовлекающий ее ум, волю и сферу чувств, открывающий личность живым отношениям в общении с Богом и другими. Для передачи этой полноты существует особое средство, касающееся всей личности – тела и души, внутреннего мира и взаимоотношений. Это средство – таинства, совершаемые в литургии Церкви. В них передается воплощенная память, связанная с местами и эпохами жизни, соединенная со всеми чувствами; в них личность, будучи членом живого субъекта, вовлекается в ткань общинных взаимоотношений. Коль скоро верно, что таинства являются таинствами веры[36], значит, нужно говорить и о таинственной структуре веры. Пробуждение веры связано с новым пробуждением таинственного смысла жизни человека и христианского бытия, так как показывает, как видимое и материальное открываются тайне вечности.

41. Передача веры, в первую очередь, происходит посредством крещения. Может показаться, что крещение – всего лишь символическое отражение исповедания веры, педагогический прием для того, кто нуждается в образах и жестах, и им, в конечном счете, можно пренебречь. Но одно слово святого Павла насчет крещения напоминает нам, что это не так. Он утверждает, что «мы погреблись со Христом крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим 6, 4). В крещении мы становимся новым творением и усыновленными чадами Божиими. Апостол далее утверждает, что христианин поручен «образу учения» (*typos didachés*), которому стал послушен сердцем (ср. Рим 6, 17). В крещении человек также получает учение для исповедания и конкретный образ жизни, требующий вовлечения всей его личности и направляющий его к благу. Человек переносится в новую сферу, поручается новой среде, новому образу совместного действия в Церкви. Крещение напоминает нам о том, что вера – не деяние отдельного индивидуума, не акт, доступный человеку, рассчитывающему исключительно на собственные силы; веру нужно принять, войдя в церковное общение, передающее Божий дар: никто сам себя не крестит, как никто самостоятельно не рождается для жизни. Мы были крещены.

42. Какие же крещальные элементы вводят нас в этот новый «образ учения»? В первую очередь, над катехуменом призывается имя Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Тем самым с самого начала предлагается синтез пути веры. Бог, призвавший Авраама, пожелал называться его Богом; Бог, открывший Свое имя Моисею; Бог, Который, дав нам Своего Сына, полностью открыл нам тайну Своего Имени, дарует крещаемому новую идентичность – идентичность Своего чада. Тем самым проявляется смысл действия, совершаемого в крещении: погружения в воду; вода – это одновременно и символ смерти, призывающий нас пройти через обращение «я», открыться более великому «Я», но также и символ жизни, лона, из которого мы возрождаемся, следуя за Христом в своем новом бытии. Таким образом, посредством погружения в воду крещение говорит нам о воплощенной структуре веры. Деяние Христово затрагивает нас в нашей личностной реальности, радикально преображая и делая нас усыновленными чадами Божиими, участниками Божественной природы. Оно изменяет все наши взаимоотношения, наше реальное положение в мире и Вселенной, открывая их Христовой жизни в общении. Присущая крещению динамика преображения помогает нам понять важность катехумената: сегодня даже в обществах с древними христианскими корнями растет число взрослых, приступающих к крещальному таинству, и христианское посвящение играет исключительно важную для новой евангелизации роль. Катехуменат – путь подготовки к крещению, к преображению всего бытия во Христе.

Чтобы понять связь крещения и веры, полезно вспомнить слова пророка Исаяи, древняя христианская литература относит их ко крещению: «Убежище его – неприступные скалы; [...] вода у него не иссякнет» (Ис 33, 16)[37]. Освобожденный из воды смерти крещенный мог встать на ноги на «неприступной скале», потому что обрел крепость, на которую можно

положиться. Так вода смерти преобразилась в воду жизни. В греческом тексте она называется водой *pistós*, «верной» водой. Вода крещение верна, так как ей можно доверять, ведь ее течение увлекает в динамику Иисусовой любви, источник уверенности на нашем жизненном пути.

43. Структура крещения, его уподобление возрождению, в котором мы получаем новое имя и новую жизнь, помогает нам понять значение и важность крещения детей. Ребенок не способен совершить добровольный акт принятия веры, пока еще не может самостоятельно исповедовать ее, именно поэтому веру от его имени исповедуют его родители и восприемники. Вера переживается в лоне общины Церкви, вписывается в общее «мы». Поэтому ребенка могут поддержать другие – его родители и восприемники, и он может быть принят в их веру – веру Церкви, символизируемую в крещальной литургии огнем, зажигаемым отцом от пасхальной свечи. Такая структура крещения выражает важность совместных действий Церкви и семьи в процессе передачи веры. По словам святого Августина, родители призваны не только дарить детям жизнь, но и приводить их Богу, чтобы те через крещение возрождались как чада Божии, получали дар веры^[38]. Вместе с жизнью детям даруется фундаментальная ориентация бытия и уверенность в благом будущем, ориентация, которая позже в таинстве миропомазания будет подкреплена печатью Святого Духа.

44. Таинственная природа веры обретает наибольшее выражение в Евхаристии. Это – драгоценная подпитка веры, это – встреча со Христом, реально присутствующем посредством высочайшего деяния любви, это – Его рождающий жизнь дар Самого Себя.

В Евхаристии пересекаются две оси пути веры. С одной стороны, ось истории: Евхаристия – акт памяти, актуализация тайны, чье прошлое, как событие смерти и воскресения, обнаруживает свою способность открывать для будущего, предвосхищать окончательную полноту. Литургия напоминает об этом в своем *hodie*, «сегодня» таинств спасения. С другой стороны, ось, ведущая из видимого мира к незримому. В Евхаристии мы учимся видеть глубину реальности. Хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христа, и проявляется Его присутствие на пасхальном пути к Отцу: это движение вводит нас с телом и душой в движение всего творения к полноте в Боге.

45. Совершая таинства, Церковь передает свою память, в частности, посредством исповедания веры. Здесь речь идет не столько о выражении согласия с совокупностью абстрактных истин. Напротив, в исповедании веры вся жизнь вступает на путь к полному общению с живым Богом. Можно сказать, что в *Credo* верующий призван войти в исповедуемую тайну и позволить тому, что он исповедует, преобразить себя. Чтобы понять суть этого утверждения, задумаемся, прежде всего, о содержании *Credo*. У Символа веры тринитарная структура: Отец и Сын соединяются в Духе любви. Тем самым верующий подтверждает, что в центре бытия – Божественное общения, глубочайшая тайна всего.

Также в *Credo* содержится христологическое исповедание: вспоминаются тайны жизни Иисуса, вплоть до Смерти, Воскресения и Вознесения на Небеса, в ожидании Его окончательного пришествия во славе. То есть говорится, что этот Бог общения, обмен Отца и Сына любовью в Духе, способен объять историю человека, ввести его в Свой динамизм общения, источник и окончательная цель которого – Отец. Исповедующий веру замечает, что участвует в исповедуемой истине. Он не может по правде произносить слова *Credo*, не преображаясь ими же, не включаясь в объемлющую его историю любви, которая расширяет его бытие, делая его частью огромной общины, последнего субъекта, произносящего *Credo*, то есть Церкви. Все истины, в которые мы веруем, говорят о тайне новой жизни веры как пути общения с живым Богом.

Вера, молитва и Декалог

46. Еще два элемента существенно важны для верной передачи памяти Церкви. Во-первых, молитва Господня, «Отче наш». В ней христианин учится приобщаться к духовному опыту самого Христа и начинает смотреть очами Христа. Начиная с Того, Кто есть Свет от Света, с Единородного Сына Отца, мы сами познаем Бога и можем зажечь в других желание приблизиться к Нему.

Во-вторых, столь же важна и связь веры с Декалогом. Мы сказали, что вера предстает как путь, как дорога, по которой нужно следовать, открытая встречей с живым Богом. Поэтому в свете веры, абсолютного доверия спасающему Богу, Декалог обретает свою глубочайшую истину, заключенную в словах, предваряющих десять заповедей: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх 20, 2). Декалог – собрание не запрещающих предписаний, а конкретных указаний, как выйти из пустыни самодостаточного «я», замкнутого в себе, чтобы вступить в диалог с Богом, позволить Его милосердию охватить нас, чтобы нести Его милосердие другим. Так вера исповедует любовь Божию, источник и опору всего, позволяет этой любви вести себя, чтобы стремиться к полноте общения с Богом. Декалог – путь благодарности, ответа на любовь; этот путь возможен, так как в вере мы открылись опыту преображающей Божией любви к нам. Новым светом на этом пути становится то, чему Иисус наставляет в Нагорной проповеди (ср. Мф 5-7).

Итак, я затронул четыре элемента, выражающих сокровище памяти, передаваемое Церковью: исповедание веры, совершение таинств, путь Декалога и молитва. Вокруг них традиционно строится катехеза Церкви, включая *Катехизис Католической Церкви*, фундаментальный документ, посредством которого Церковь единым актом передает все содержание веры, «все то, чем она является, все то, во что она верует»^[39].

Единство и целостность веры

47. Единство Церкви во времени и пространстве связано с единством веры: «Одно тело и один дух [...] одна вера» (Еф 4, 4-5). Сегодня нам представляется возможным союз людей в едином стремлении, в любви, в общей доле, в общей цели. При этом нам очень трудно представить себе союз в единой истине. Нам кажется, что такого рода союз противоречит свободе мысли и автономии субъекта. Опыт любви, напротив, показывает, что именно в любви можно обрести общее **видение**, что в любви мы учимся смотреть на реальность очами другого, что не обедняет нас, а обогащает наш взгляд. Истинная любовь, по мере Божественной любви, требует истины, и в общем взгляде истины, которая есть Иисус Христос, эта любовь крепнет и углубляется. Это и радость веры, единство **видения** в одном теле и в одном духе. Вот почему святой Лев Великий мог утверждать: «Ибо если не едина вера, то уже и не вера»^[40].

В чем секрет этого единства? Вера «едина» прежде всего в силу единства постигаемого и исповедуемого Бога. Все вероучительные истины относятся к Богу, они – пути познания Его бытия и Его действия, и поэтому их единство выше, чем единство чего-либо, доступного нашему мышлению для созидания. Их единство обогащает нас, так как сообщает себя нам и делаем нас «одним».

Вера едина и потому, что обращается к единственному Господу, к жизни Иисуса, к Его конкретной биографии, которую Он делит с нами. Святой Ириной Лионский прояснил учение о единстве веры в полемике с еретиками-гностиками. Те настаивали на существовании двух типов веры: примитивная вера – вера простых людей, несовершенная, остающаяся на уровне плоти Христа и созерцания Его тайн; и другая вера, более глубокая и совершенная – истинная вера, удел небольшого круга посвященных, благодаря которой интеллект воспаряет над плотью Иисуса к тайнам непостижимого Божества. На эти притязания, сохраняющие очарование и находящие последователей даже в наши дни, святой Ириной заявляет, что вера едина, потому что неизменно обусловлена реальным событием Воплощения, то есть вера никогда не возвышается над плотью и жизнью Христа, поскольку Богу было угодно в полной мере открыть Себя именно так. Поэтому нет различия между верой того, «кто способен говорить о вере долго», и того, «кто говорит о вере мало», между тем, кто способнее, и тем, кто менее одарен: ни первый не может взрастить веру, ни второй – умалить ее^[41].

Наконец, вера едина, потому что ее разделяет вся Церковь – одно тело и один Дух. В общении единого субъекта, Церкви, мы обретаем общий взгляд. Исповедуя одну веру, мы опираемся на ту же скалу, преображаемся тем же Духом любви, излучаем единый свет и пронизываем реальность единым взглядом.

48. Вера одна, поэтому она должна исповедоваться во всей своей чистоте и целостности. Именно потому, что все вероучительные истины связаны в единое целое, отрицание одной из них, даже кажущейся наименее важной, равноценно разрушению всего целого. В любую

эпоху то или иное положение веры может казаться проще или труднее для восприятия: вот почему необходима бдительность для передачи всего залога веры (ср. 1 Тим 6, 20), для целостного отстаивания всех аспектов исповедания веры. Единство веры – это единство Церкви, поэтому изъять что-то из веры – значит лишиться чего-то истину об общении. Отцы Церкви описали веру как тело – тело истины, с различными членами, по аналогии с Телом Христовым и с Его продолжением в Церкви[42]. Целостность веры увязывалась и с образом Церкви-девы, с ее верностью в супружеской любви ко Христу: повредить веру – значит нарушить общение с Господом[43]. Следовательно, единство веры – единство живого организма, как удачно заметил блаженный Джон Генри Ньюмен. К основным характеристикам, помогающим распознать непрерывность учения во времени, он отнес способность ассимилировать все встреченное в разных сферах присутствия, в различных культурах[44], благодаря очищению и созданию условий для наилучшего выражения. Тем самым вера проявляет себя как вселенская, кафолическая, ведь ее свет усиливается ради освещения всей Вселенной и всей истории.

49. Ради служения единству веры и передачи веры в целостности Господь даровал Церкви апостольское преемство. Через него обеспечивается непрерывность памяти Церкви и возможность в уверенности припадать к чистому истоку веры. То есть связь с источником гарантирована живыми личностями, что отвечает живой вере, передаваемой Церковью. Связь опирается на верность свидетелей, избранных с этой целью Господом. Поэтому Учительство всегда говорит, в послушании изначальному Слову, основанию веры, и Учительство достоверно, так как полагается на Слово, которому внимает и которое хранит и излагает[45]. В переданной святым Лукой в Деяниях Апостолов прощальной речи к пресвитерам из Ефеса святой Павел в Милите свидетельствует о том, что Господь возложил на него обязанность возвещать «всю волю Божию» (Деян 20, 27). Именно благодаря Учительству Церкви воля Божия достигает нас во всей своей целостности, а вместе с ней нас достигает и радость, что мы можем полностью исполнить волю Божию.

Часть IV

БОГ ГОТОВИТ ИМ ГОРОД

(ср. Евр 11, 6)

Вера и общее благо

50. В изложенной в Послании к Евреям истории ветхозаветных Патриархов и праведников выделен сущностно важный аспект их веры. Эта вера вырисовывается не просто как путь, но как соиздание, подготовка пространства, где человек может обитать с другими. Первый зодчий – Ной, спасший в Ковчеге свою семью (ср. Евр 11, 7). Затем появляется Авраам, о

нем сказано, что верою он обитал в шатрах, ожидая города с прочным основанием (ср. Евр 11, 9-10). Таким образом, в отношении веры появляется новая надежность, новая крепость, даровать которую может лишь Бог. Если человек веры, опираясь на Бога-Аминь, на верного Бога (ср. Ис 65, 16), сам становится крепким, то, можно добавить, крепость веры относится и к городу, уготовляемому Богом для человека. Вера открывает, насколько крепкими могут быть узы между людьми, когда среди них пребывает Бог. Божие присутствие вызывает не только внутреннюю уверенность, крепкую убежденность верующего; вера освещает и человеческие взаимоотношения, поскольку рождается из любви и следует в русле динамики Божией любви. Надежный Бог дарует людям надежный город.

51. Именно благодаря связи с любовью (ср. Гал 5, 6) свет веры действительно служит на благо справедливости, права и мира. Вера рождается из встречи с рождающей любовью Бога, где проявляется смысл и благость нашей жизни; жизнь просвещается в той мере, в какой вступает в динамику, открываемую Божией любовью, то есть становится путем и стремится к совершенству любви. Свету веры дано пользоваться богатством человеческих взаимоотношений, их способностью сохраняться, быть надежными, обогащать совместную жизнь. Вера не отдаляет от мира и не чужда практическим обязанностям наших современников. Без надежной любви ничто не способно сохранить единство между людьми. Иначе человеческое единство было бы приемлемо лишь из соображений полезности, как основанное на совпадении интересов, на страхе, но не на благодати общежития, не на радости, вызываемой просто присутствием другого. Вера позволяет понять архитектуру человеческих взаимоотношений, потому что видит их подлинное основание и окончательное предназначение в Боге, в Его любви. Поэтому вера, служа общему благу, просвещает искусство созидания. Да, вера – благо для всех, общее благо, ее свет освещает не только ограду Церкви и не служит исключительно созиданию вечного потустороннего града; свет веры помогает созидать наши общества, так, чтобы те следовали к будущему надежды. Послание к Евреям предлагает пример этого, называя в числе мужей веры Самуила и Даниила – тех, кому вера позволила «творить правду» (Евр 11, 33). Словосочетание здесь относится к праведному правлению, к мудрости, несущей мир народу (ср. 1 Цар 12, 3-5; 2 Цар 8, 15). Руки веры возносятся к небу, но при этом милосердно созидают град, основанный на взаимоотношениях, основание которых – любовь Божия.

Вера и семья

52. Послание к Евреям, говоря о пути Авраама к будущему городу, указывает на благословение детей родителями (ср. Евр 11, 20-21). Первая сфера, где вера освещает город людей, заключается в семье. Я имею в виду прежде всего постоянный союз мужчины и женщины в браке. Он рождается из их любви, знаменая и присутствия Божией любви, из признания и принятия благодати разницы полов, благодаря которой супруги могут соединиться в одну единую плоть (ср. Быт 2, 24) и способны зародить новую жизнь. Это – проявление благодати Творца, Его мудрости и Его замысла о любви. Опираясь на эту

любовь, мужчина и женщина могут обещать друг другу взаимную любовь с помощью жеста, вовлекающего всю жизнь и напоминающего о многих чертах веры. Обещание любви навсегда можно принести, только постигнув замысел, превосходящий собственные планы – замысел, укрепляющий нас и позволяющий нам подарить все будущее любимой личности. Вера также помогает понять во всей полноте богатство рождения детей, поскольку позволяет распознать в нем созидательную любовь, дарующую и доверяющую нам тайну новой личности. Именно благодаря своей вере Сара стала матерью, полагаясь на верность Бога Своим обетованиям (ср. Евр 11, 11).

53. В семье вера сопутствует всем возрастным вехам жизни, начиная с детства: дети учатся полагаться на любовь своих родителей. Поэтому родителям важно развивать совместные практики веры в семье, способствующие созреванию веры детей. Именно юноши и девушки, переживающие очень сложный возрастной период в жизни, богатый и важный для веры, на пути возрастания в вере должны ощущать близость и внимание семьи и церковной общины. Мы все видели, как на Всемирных Днях молодежи юноши и девушки проявляют радость веры, обязательство жить верой, неизменно укрепляющейся и бескорыстной. Молодежь желает прожить выдающуюся жизнь. Встреча со Христом, согласие принять Его любовь и руководствоваться ею расширяет горизонт существования, дарует ему крепкую, не разочаровывающую надежду. Вера – не убежище для людей, лишенных мужества, а расширение пространства жизни. Она позволяет открыть великое предназначение, призвание к любви, и убеждает, что эта любовь надежна, что стоит предать себя ей, поскольку ее основание – верность Бога, которая сильнее любой нашей слабости.

Свет для жизни в обществе

54. Вера, усвоенная и углубленная в семье, становится светом, освещающим все социальные связи. Как опыт отцовства Бога и Божия милосердия она также развивается на братском пути. В «модернизме» было стремление создать всеобщее братство людей на основании равенства. Однако мало-помалу мы поняли, что подобного братства, лишенного соотношения с общим Отцом как со своим окончательным основанием, не существует. Следовательно, необходимо вернуться к истинному корню братства. История веры с самого начала была историей братства, хотя и не лишенной конфликтов. Бог призывает Авраама выйти из его земли и обещает произвести от него единую великую нацию, многочисленный народ, на котором почует Божие благословение (ср. Быт 12, 1-3). В ходе истории спасения человек открывает, что Богу угодно приобщить всех, как братьев, к единому благословию, обретающему полноту в Иисусе, чтобы все стали едино. Неисчерпаемая любовь Отца в Иисусе сообщается нам, в том числе, через присутствие брата. Вера учит нас видеть в каждом человеке благословение для меня, видеть, что свет лика Божия освещает меня с помощью лика брата.

Сколько благ для совместной жизни людей принес взгляд христианской веры на

человеческий град! Благодаря вере мы поняли уникальное достоинство отдельной личности, не бывшее столь очевидным в античном мире. Во втором веке язычник Цельс порицал христиан за то, что ему казалось иллюзией и обманом: за мысль, что Бог якобы создал весь мир для человека и подчинил ему весь космос. Поэтому он спрашивал: «Почему же тебе не сказать, что [трава] выросла для людей ничуть не более, чем и для бессловесных животных?»[46]. «Ну, а если бы кто-нибудь посмотрел с неба на землю, то мог ли бы он найти какое-либо основание для различения того, что делаем мы, от того, что делают муравьи и пчелы?»[47]. В центре библейской веры – любовь Бога, Его практическая забота о каждой личности, Его замысел о спасении, объемлющий все человечество и все творение, достигающий вершины в Воплощении, Смерти и Воскресении Иисуса Христа. Если пренебречь этой реальностью, то исчезнет критерий, позволяющий определить, что же делает жизнь человека драгоценной и уникальной. Он теряет свое место в мироздании, теряется в природе, отказываясь от присущей ему нравственной ответственности, или же претендует на то, чтобы быть абсолютным судьей, присваивая себе власть безграничной манипуляции.

55. Кроме того, вера, открывая нам любовь Бога-Творца, позволяет больше уважать природу, видеть в ней написанную Им грамматику и обитель, доверенную нам для возделывания и сохранения; помогает найти модели развития, основанные не исключительно на полезности и выгоде, но относящиеся к творению как к дару, перед которым мы все в долгу; учит нас находить справедливые формы управления, с учетом признания того, что власть от Бога и должна служить общему благу. Вера также подтверждает возможность прощения, для чего нередко требуются время, труд, терпение и усердие; прощение возможно, если мы открываем, что добро всегда искреннее и сильнее зла, что слово, которым Бог утверждает нашу жизнь, глубже любых наших отрицаний. Даже с чисто антропологической точки зрения единство выше конфликта; нам приходится конфликтовать, но переживание конфликта должно вести нас к разрешению его, к преодолению, к трансформированию его в звено некой цепи, в стремление к единству.

Если вера оскудевает, то есть опасность, что ослабеют сами основания жизни, как предостерегал поэт Т.С. Элиот: «Может, вам нужно сказать, что даже эти скромные успехи, / позволяющие вам гордиться воспитанным обществом, / вряд ли переживут веру, которой обязаны своим значением?»[48]. Если мы лишим наши города веры в Бога, то доверие между нами ослабеет, мы будем держаться вместе только из-за страха, и стабильность окажется под угрозой. Послание к Евреям утверждает: «Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город» (Евр 11, 16). Выражение «не стыдиться» связано с общественным признанием. То есть Бог публично исповедует, Своим конкретным действием, Свое присутствие среди нас, Свое желание укрепить человеческие взаимоотношения. И нам ли стыдиться называть Бога нашим Богом? Нам ли не исповедовать Его Богом в нашей общественной жизни, не провозглашать величие совместной жизни, которое Он делает возможным? Вера освещает социальную жизнь; ей

присущ созидательный свет в каждую новую минуту истории, поскольку вера связывает все события с источником и предназначением всего – с любящим нас Отцом.

Утешительная сила в страдании

56. Святой Павел, описывая христианам Коринфа свои лишения и страдания, увязывает свою веру с проповедью Евангелия. Так, он говорит, что в нем исполняются слова Писания: «Я веровал и потому говорил» (2 Кор 4, 13). Апостол имеет в виду фразу из Псалма 116 (115), где псалмопевец восклицает: «Я веровал, и потому говорил: я сильно сокрушен» (стих 10). Нередко говорить о вере – значит говорить о горестных испытаниях, но именно в них святой Павел видит самое убедительное возвещение Евангелия, так как в слабости и в страдании проявляется и обнаруживается сила Божия, превосходящая нашу слабость и страдание. Сам апостол оказался в смертельной опасности, но смерть для христиан окажется жизнью (ср. 2 Кор 4, 7-12). В час испытания вера освещает нас, именно в страдании и немощи становится очевидно, что «мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа» (2 Кор 4, 5). 11-я глава Послания к Евреям завершается упоминанием о пострадавших за веру (ср. Евр 11, 35-38), среди них особое место занимает Моисей, принявший на себя поношение Христово (ср. стих 26). Христианин знает, что страдание невозможно истребить, но оно может обрести смысл, может стать актом любви, отдачей в руки Бога – Того, Кто нас не оставляет, и, таким образом, стать этапом умножения веры и любви. Созерцая единство Христа с Отцом даже в минуту наибольшей муки на кресте (ср. Мк 15, 34), христианин учится разделять взгляд Самого Иисуса. Даже смерть оказывается освещена и может быть принята как последний призыв веры, как последнее: «Пойди из земли твоей» (Быт 12, 1), как последнее слово «Приди!», произнесенное Отцом, Которому мы поручаем себя с упованием, что Он укрепит нас и в минуту последнего перехода.

57. Свет веры не дает нам забыть о страданиях мира. Для скольких мужей и жен веры страждущие стали проводниками света! Как для святого Франциска Ассизского – прокаженный, а для блаженной Матери Терезы Калькуттской – ее нищие. Они поняли заключенную в страждущих тайну. Приближаясь к ним, они, безусловно, не избавили их от всех страданий и не смогли объяснить все проявления зла. Вера – не тот свет, который рассеивает всю тьму, а светильник, направляющий в ночи наши шаги, и его достаточно для пути. Страдающему человеку Бог не дает все объясняющих аргументов, но предлагает Свой ответ в форме сопутствующего присутствия, истории добра, соединяющейся с любой историей страдания, чтобы его осветил поток света. Во Христе Сам Бог пожелал разделить с нами этот путь и предложить нам Свой взгляд, чтобы мы видели на нем свет. Христос – Тот, Кто, преодолев скорбь, стал «начальник и совершитель веры» (Евр 12, 2).

Страдание напоминает нам, что служение веры общему благу – это обязательно служение надежды, смотрящей вперед, знающей, что лишь в Боге, в будущем, даруемом воскресшим Христом, наше общество может обрести прочные и долговечные основания. В этом смысле

вера связана с надеждой, так как хотя здесь, на земле, наша обитель разрушается, во Христе, в Его теле, Бог уже приуготовил вечную обитель (ср. 2 Кор 4, 16 – 5, 5). Динамизм веры, надежды и любви (ср. 1 Фес 1, 3; 1 Кор 13, 13) позволяет нам объять тревоги всех людей на нашем пути к тому граду, «которого художник и строитель Бог» (Евр 11, 10), потому что «надежда не постыжает» (Рим 5, 5).

В единстве с верой и любовью надежда устремляет нас в надежное будущее, разворачивающееся в перспективе, отличной от иллюзорных предложений мирских идолов, в перспективе, дарующей новый порыв и новые силы для повседневной жизни. Не дадим украсть у нас надежду, не позволим свести ее на нет немедленными решениями и предложениями, останавливающими нас на пути и «рассеивающими» время, трансформируя его в пространство. Время всегда выше пространства. Пространство кристаллизует процессы, время же устремляет в будущее и побуждает следовать с надеждой.

Блаженна Уверовавшая (Лк 1, 45)

58. В притче о сеятеле святой Лука приводит следующие слова Иисуса, объясняющие суть образа «доброй земли»: «Это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк 8, 15). В контексте Евангелия от Луки упоминание о чистом и добром сердце в отношении слушания и сохранения Слова служит неявным олицетворением веры Девы Марии. Тот же евангелист нам говорит о памяти Марии, о том, что Она сохраняла в сердце все услышанное и увиденное, так, чтобы Слово принесло плод в Ее жизни. Матерь Господа – совершенная икона веры, как скажет святая Елизавета: «Блаженна Уверовавшая» (Лк 1, 45).

В Марии, Дочери Сиона, исполняется долгая история веры Ветхого Завета, повествующая о множестве верных женщин, начиная с Сары, – женщин, в которых, наряду с Патриархами, исполнялось обетование Бога и расцветала новая жизнь. Когда наступила полнота времен, Слово Божие обратилось к Марии, и Она приняла его всем Своим существом, в Своем сердце, чтобы в Ней оно стало плотью и родилось как свет людям. Святой Юстин Мученик в *Диалоге с Трифоном Иудеем* использует прекрасное выражение: говоря о том, что Мария, приняв ангельское благовестие, зачала «веру и радость»^[49]. Вера Матери Иисуса оказалась плодотворной, а когда наша духовная жизнь приносит плод, мы наполняемся радостью, и это – самый очевидный знак величия веры. В Своей жизни Мария прошла путь веры, следуя за Сыном^[50]. Так, в Марии путь веры Ветхого Завета вливается в следование за Иисусом и преображается Им, так как обретает взгляд воплощенного Сына Божия.

59. Можно сказать, что в Пресвятой Деве Марии исполнилось то, что я отмечал выше, то есть то, что верующий всецело вовлечен в свое исповедание веры. Мария, в силу своей связи с Иисусом, тесно соединена с тем, во что мы верим. Девственное зачатие Марии –

ясное знамение Божественного сыновства Христа. Вечный источник Христа – в Отце, Он – Сын в полном и уникальном смысле; и поэтому рождается во времени без вмешательства мужчины. Будучи Сыном, Иисус может принести в мир новое начало и новый свет, полноту верной любви Бога, предающего Себя людям. С другой стороны, истинное материнство Марии предоставило Сыну Божию настоящую человеческую жизнь, настоящую плоть, в которой Он умрет на кресте и воскреснет из мертвых. Мария будет сопровождать его до самого креста (ср. Ин 19, 25), от подножия которого Ее материнство распространится на каждого ученика Сына (ср. Ин 19, 26-27). Будет Она и в горнице после Воскресения и Вознесения Иисуса, молясь с Апостолами о даровании Святого Духа (ср. Деян 1, 14). Динамика любви между Отцом и Сыном в Духе пронизала нашу историю; Христос влечет нас к Себе, чтобы суметь спасти нас (ср. Ин 12, 32). В центре исповедания веры – Иисус, Сын Божий, родившийся от жены, посредством дара Святого Духа приводящий нас к усыновлению (ср. Гал 4, 4-6).

60. К Марии, Матери Церкви и Матери нашей веры, мы обращаемся в молитве.

О Мать, помоги нашей вере!

Открой наш слух Слову, чтобы мы распознавали голос Божий и Его призыв!

Пробуди в нас желание следовать за Ним, уходя с нашей земли и принимая Его обетование!

Помоги нам позволить Его любви прикоснуться к нам, чтобы мы могли верой прикоснуться к Нему!

Помоги нам всецело довериться Ему, верить в Его любовь, особенно в минуты лишений и креста, когда наша вера призвана созревать!

Посей в нашей вере радость Воскресшего!

Напоминай нам, что верующий никогда не одинок!

Научи нас смотреть очами Иисуса, чтобы Он был светом на нашем пути!

И пусть свет веры в нас неизменно усиливается, пока не настанет тот незакатный день, который есть Сам Христос, Твой Сын, наш Господь!

Дано в Риме, у Святого Петра, в торжество Святых Апостолов Петра и Павла, 29 июня 2013 года, в первый год моего Понтификата

ФРАНЦИСК

[1] *Диалог с Трифоном Иудеем*, 121, 2: PG 6, 758. (Перевод цит. по: Св. Иустин, философ и мученик. Творения. — М.: Паломник; Благовест, 1995. — С. 105-125. Перевод прот. Петра Преображенского.)

[2] Климент Александрийский. *Протрептик, или увещание к эллинам*, IX: PG 8, 195.

[3] *Brief an Elisabeth Nietzsche* (11 июня 1865 г.), в: *Werke in drei Bänden*, München 1954, 953s.

[4] Рай, Песнь XXIV, 145-147. Перевод М. Лозинского.

[5] *Acta Sanctorum*, Iunii, I, 21.

[6] «Хотя Собор не говорит специально о вере, о ней он ведет речь на каждой странице, признает ее жизненно важный и сверхъестественный характер, считает ее целостной, сильной и строит на ней свои наставления. Достаточно вспомнить соборные утверждения [...] для того, чтобы понять, что Собор, в согласии с доктринальной традицией Церкви, считает сущностно важной веру, истинную веру, источник которой Христос, а русло – Учительство Церкви» (Павел VI, *Общая аудиенция* [8 марта 1967 г.]: *Insegnamenti V* [1967], 705).

[7] Ср., например, I Ватиканский Собор, Догматическая конституция о католической вере *Dei Filius*, глава III: DS 3008-3020; II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 5; *Катехизис Католической Церкви*, 153-165.

[8] Ср. *Поучения огласительные и тайноводственные V*, 1: PG 33, 505A. (Перевод цит. по: Святитель Кирилл, Архиепископ Иерусалимский. *Поучения огласительные и тайноводственные*. — М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 1991. — С. 1–340. Репринтное воспроизведение издания 1822 г.)

[9] *Гомилия на 32 Псалом*, II, s. I, 9: PL 36, 284.

[10] М. Buber, *Die Erzählungen der Chassidim*, Zürich 1949, 793. (Перевод цит. по: Бубер М. *Хасидские истории. Поздние учителя / Перевод с английского, немецкого и иврита*. – Мосты культуры, Москва; Гешарим, Иерусалим. – 2009. – С. 262.)

[11] *Émile*, Paris 1966, 387. (Перевод цит. по: Ж.-Ж. Руссо. *Педагогические сочинения*, т. II, М., 1981, с. 310-381.)

[12] *Lettre á Christophe de Beaumont*, Lausanne 1993, 110.

[13] Ср. *Рассуждения на Евангелие от Иоанна*, 45, 9: PL 35, 1722-1723.

[14] Часть II, IV.

[15] *De continentia*, 4, 11: PL 40, 356.

[16] *Vom Wesen katholischer Weltanschauung* (1923), в: *Unterscheidung des Christlichen. Gesammelte Studien 1923-1963*, Mainz 1963, 24.

[17] XI, 30, 40: PL 32, 825.

[18] Ср. *ibid*, 825-826.

[19] Ср. *Vermischte Bemerkungen / Culture and Value*, G.H. von Wright (под ред.), Oxford 1991, 32-33; 61-64.

[20] *Homiliae in Evangelia*, II, 27, 4: PL 76, 1207.

[21] Ср. *Expositio super Cantica Canticorum*, XVIII, 88: CCL, *Continuatio Mediaevalis* 87, 67.

[22] *Ibid.*, XIX, 90: CCL, *Continuatio Mediaevalis* 87, 69.

[23] «Богу, дающему Откровение, нужно принести *послушание веры* (ср. Рим 16, 26, согласно Vlg; Рим 1, 5; 2 Кор 10, 5-6), посредством которого человек свободно и всецело предает себя Богу, принося полное подчинение разума и воли Богу, открывающему Себя, и добровольно принимая данное Им Откровение. Чтобы проявить такую веру, необходима предваряющая и содействующая благодать Божия при внутренней помощи от Святого Духа, Который побуждает сердце и обращает его к Богу, открывает очи ума и подает усладу всем принимающим истину и верующим в нее. Но для более глубокого уразумения Откровения тот же Святой Дух непрестанно совершенствует веру Своими дарами» (II Ватиканский Собор. Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 5).

[24] Ср. H. Schlier, *Meditationen über den Johanneischen Begriff der Wahrheit*, в: *Besinnung auf das Neue Testament. Exegetische Aufsätze und Vorträge 2*, Freiburg–Basel–Wien 1959, 272.

[25] Ср. *Summa Theologiae* III, q. 55, a. 2, ad 1.

[26] *Sermo* 229/L, 2: PLS 2, 576: "*Tangere autem corde, hoc est credere*".

[27] Ср. Энциклика *Fides et ratio* (14 сентября 1998 г.), 73: AAS (1999), 61-62.

[28] Ср. *Исповедь*, VIII, 12, 29: PL 32, 762.

[29] О Троице, XV, 11, 20: PL 42, 1071: "*verbum quod intus lucet*".

[30] Ср. О Граде Божиим, XXII, 30, 5: PL 41, 804.

[31] Ср. Конгрегация Вероучения, Декларация *Dominus Iesus* (6 августа 2000 г.), 15: AAS 92

(2000), 756.

[32] *Demonstratio apostolicae praedicationis*, 24: SC 406, 117. (Цит. по: Библиотека Отцов и Учителей Церкви. Том 2. Св. Иринея Лионский. Творения. "Паломник"—"Благовест". М., 1996.)

[33] Ср. Бонавентура, *Breviloquium, prol.*: Opera Omnia, V, Quaracchi 1891, p. 201; *In I Sent., proem*, q. 1, resp.: Opera Omnia, I, Quaracchi 1891, p. 7; Фома Аквинский, *Summa Theologiae* I, q. 1.

[34] Ср. *О Крещении*, 20, 5: CCL 1, 295.

[35] Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 8.

[36] Ср. II Ватиканский Собор, Конституция о Священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 59

[37] Ср. *Послание Варнавы*, 11, 5: SC 172, 162.

[38] Ср. *О супружестве и похоти*, I, 4, 5: PL 44, 413: "*Habent quippe intentionem generandi regenerandos, ut qui ex eis saeculi filii nascuntur in Dei filios renascantur*".

[39] II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 8.

[40] *Слово IV на Рождество Христово*, 6: SC 22, 110.

[41] Ср. Иринея, *Против ересей*, I, 10, 2: SC 264, 160.

[42] Ср. *там же*, II, 27, 1: SC 294, 264.

[43] Ср. Августин, *О святом девстве*, 48, 48: PL 40, 424-425: "*Servatur et in fide inviolata quaedam castitas virginalis, qua Ecclesia uni viro virgo casta cooptatur*".

[44] Ср. *An Essay on the Development of Christian Doctrine*, Uniform Edition: Longmans, Green and Company, London, 1868-1881, 185-189.

[45] Ср. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 10.

[46] Ориген, *Против Цельса*, IV, 75: SC 136, 372.

[47] Там же, 85: SC 136, 394. (Цит. пер. с греческого Л. Писарева, 1912 г.)

[48] "Choruses from *The Rock*", в: *The Collected Poems and Plays 1909-1950*, New York 1980, 106.

[49] Ср. *Диалог с Трифоном Иудеем*, 100, 5: PG 6, 710.

[50] Ср. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 58.